

Министерство образования и науки
Республика Дагестан
МР «Магарамкентский район»
МКОУ «Филялинская СОШ»

Реферат

на тему: *«Культура речи в русской и других национальных традициях»*

*Выполнила: учитель русского языка
МКОУ «Филялинская СОШ»
Лавхаева Эльмира Ядигаровна*

Филя - 2022 год

Содержание

Введение	3
Глава 1. Культура речи в русской традиции	3
1. Понятие языковой нормы	3
2. Идеальная языковая норма	6
Глава 2. Культура речи в национальных традициях других стран	7
Заключение	9
Список литературы	10

Реферат на тему: «*Культура речи в русской и других национальных традициях*»

учитель русского языка
МКОУ «Филялинская СОШ»
Лавхаева Эльмира Ядигаровна

Введение

Языковая норма - совокупность языковых средств и правил их употребления, принятая в данном обществе и в данную эпоху. Норма противопоставлена системе, понимаемой как присущие тому или иному языку возможности выражения смыслов. Далеко не все из того, что может языковая система, разрешается языковой нормой. Наша задача разобраться, как какая литературная норма принята в русском языке и национальных традициях других стран.

Языковая норма - одна из составляющих национальной культуры. Поэтому разработка литературной нормы, ее кодификация, отражение нормализаторской деятельности лингвистов в грамматиках, словарях и справочниках имеют большое социальное и культурное значение. Проблемы языковой нормы разрабатываются в трудах Д.Н.Ушакова, Л.В.Щербы, А.М.Пешковского, В.В.Виноградова, Г.О.Винокура, С.И.Ожегова, Р.И.Аванесова, М.В.Панова, К.С.Горбачевича, В.А.Ицковича, Н.Н.Семенюк и других отечественных лингвистов.

Глава 1. Культура речи в русской традиции

Культура речи - распространённое в советской и российской лингвистике XX века понятие, объединяющее владение языковой нормой устного и письменного языка, а также «умение использовать выразительные языковые средства в разных условиях общения». Этим же словосочетанием обозначается лингвистическая дисциплина, занимающаяся определением границ культурного (в вышеприведённом смысле) речевого поведения, разработкой нормативных пособий, пропагандой языковой нормы и выразительных языковых средств.

1. Понятие языковой нормы

В культуру речи, помимо нормативной лексики, включается регулирование «тех речевых явлений и сфер, которые ещё не входят в канон литературной речи и систему литературных норм» - то есть всего повседневного письменного и устного общения, включая такие формы, как просторечие различного рода жаргоны и т.п. В лингвистике термин «норма» используется в двух смыслах - широком и узком. В широком смысле под нормой подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов (в этом понимании норма близка к понятию узуса, т.е. общепринятых, устоявшихся способов использования данного языка). Так, можно говорить о норме применительно к

территориальному диалекту: например, нормальным для севернорусских диалектов является оканье, а для южнорусских - аканье. В узком смысле норма - это результат целенаправленной кодификации языкового идиома. Такое понимание нормы неразрывно связано с понятием литературного языка, который иначе называют нормированным или кодифицированным. Территориальный диалект, городское койне, социальные и профессиональные жаргоны не подвергаются кодификации, и поэтому к ним неприменимо понятие нормы в узком смысле этого термина.

Литературная норма отличается рядом свойств: она едина и общеобязательна для всех говорящих на данном языке; она консервативна и направлена на сохранение средств и правил их использования, накопленных в данном обществе предшествующими поколениями. В то же время она не статична, а, во-первых, изменчива во времени и, во-вторых, предусматривает динамическое взаимодействие разных способов языкового выражения в зависимости от условий общения (последнее свойство нормы называют ее коммуникативной целесообразностью).

Единство и общеобязательность нормы проявляются в том, что представители разных социальных слоев и групп, составляющих данное общество, обязаны придерживаться традиционных способов языкового выражения, а также тех правил и предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях и являются результатом кодификации. Отклонение от языковой традиции, от словарных и грамматических правил и рекомендаций считается нарушением нормы и обычно оценивается отрицательно носителями данного литературного языка.

Норма сопряжена с понятием селекции, отбора. В своем развитии литературный язык черпает средства из других разновидностей национального языка - из диалектов, просторечия, жаргонов, но делает это чрезвычайно осторожно. И норма играет в этом процессе роль фильтра: она пропускает в литературное употребление все наиболее выразительное, коммуникативно необходимое и задерживает, отсеивает все случайное, функционально излишнее. Эта селективная и, одновременно, охранительная функция нормы, ее консерватизм - несомненное благо для литературного языка, поскольку служит связующим звеном между культурами разных поколений и разных слоев общества. Консервативность нормы обеспечивает понятность языка для представителей разных поколений. Норма опирается на традиционные способы использования языка и настороженно относится к языковым новшествам. «Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет», - писал А.М.Пешковский и так объяснял это свойство и литературной нормы, и самого литературного языка: «Если бы литературное наречие изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своей да предшествовавшего поколения, много двух. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается всей предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. Слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам. Консервативность литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы».

Однако консерватизм нормы не означает ее полной неподвижности во времени. Иное дело, что темп нормативных перемен медленнее, чем развитие данного национального языка в целом. Чем более развита литературная форма языка, чем лучше обслуживает она коммуникативные нужды общества, тем меньше она изменяется от поколения к поколению говорящих. И все же сравнение языка Пушкина и Достоевского да и более

поздних писателей с русским языком конца 20 в. обнаруживает различия, свидетельствующие об исторической изменчивости литературной нормы. В пушкинские времена говорили: до́мы, ко́рпусы, сейчас - дома́, корпусá. Пушкинское «Встань, пророк...» надо понимать в смысле "встань", а совсем не в смысле "подними восстание". В рассказе Ф.М.Достоевского Хозяйка читаем: «Тут щекотливый Ярослав Ильич... вопросительным взглядом устремился на Мурина». Современный читатель догадывается, конечно, что речь здесь не о том, что герой Достоевского боялся щекотки: щекотливый употреблено в смысле, близком к значению слов деликатный, щепетильный, и применено к человеку, т.е. так, как ни один из носителей современного русского литературного языка его не употребит (обычно: щекотливый вопрос, щекотливое дело). Чехов говорил в телефон (об этом он сообщает в одном из своих писем), а мы - по телефону. А.Н.Толстой, почти наш современник, в одном из своих рассказов описывает действия героя, который «стал следить полет коршунов над лесом». Сейчас сказали бы: стал следить за полетом коршунов.

Изменяться может нормативный статус не только отдельных слов, форм и конструкций, но и определенным образом взаимосвязанных образцов речи. Так произошло, например, с так называемой старомосковской произносительной нормой, которая ко второй половине 20 в. была почти полностью вытеснена новым произношением, более близким к письменному облику слова: вместо , , [шы]гú, [жы]ра, ве[r"]х, четвэ[r"]г, тú[хъ]и, стрó[гъ]й, поддá[къ]вать, слúво[шн]ое (масло) подавляющее большинство носителей русского литературного языка стало говорить , , [ш"]гú, [ж"]ра, ве[r]х, четвэ[r]г, тú[х"]и, стрó[г"]и, поддá[к"]и]вать, слúво[чн]ое(масло) и т.д. Источники обновления литературной нормы многообразны. Прежде всего, это живая, звучащая речь. Она подвижна, текуча, в ней совсем не редкость то, что не одобряется официальной нормой, - необычное ударение, свежее словцо, которого нет в словарях, синтаксический оборот, не предусмотренный грамматикой. При неоднократном повторении многими людьми новшества могут проникать в литературный обиход и составлять конкуренцию фактам, освященным традицией. Так возникают варианты: рядом с вы прáвы появляется вы прав; с формами констрúкторы, цéхи соседствуют конструкторá, цеха́; традиционное обусловливать вытесняется новым обуславливать; жаргонные слова беспредел и тусовка мелькают в речи тех, кого общество привыкло считать образцовыми носителями литературной нормы; никого уже не удивляет, что можно указывать о чем - вместо традиционно правильных конструкций указывать что и указывать на что.

Источником изменений в литературной норме могут служить местные говоры, городское просторечие, социальные жаргоны, а также другие языки. Так, в 1920-1930-е годы словарь русского литературного языка пополнился словами глухомань, новосёл, затемно, морока, муторно, обеднять, отгул и др., которые пришли из диалектов; из просторечия заимствованы слова показуха, заправúла, разбазаривать; широкое распространение форм множ. именительного на -á (бункерá,) объясняется влиянием на литературный язык профессионально-технической речи. Многочисленные лексические заимствования из других языков, главным образом из английского, расширяющие нормативный русский словарь в конце 20 в., способствуют и тому, что под влиянием иноязычных образцов появляются структурно новые типы слов: кибер-пространство, бизнес-план (традиционными моделями в подобных случаях являются сочетания с прилагательным или несогласованным определением в родит. падеже: кибернетическое пространство, план бизнеса).

2. Идеальная языковая норма

В процессе обновления нормы решающее значение имеет не только распространенность, частота того или иного новшества, но и социальная среда, в которой это новшество получает распространение: в общем случае чем выше «общественный вес» той или иной социальной группы, ее престиж в обществе, тем легче иницилируемые ею языковые новшества получают распространение в других группах носителей языка. Так, традиционно «законодателем мод» в области литературного произношения и словоупотребления считается интеллигенция, призванная быть основным носителем речевой культуры данного общества. Однако произносительные, грамматические и лексические образцы, принятые в элитарных социальных группах, не всегда имеют преимущество (с точки зрения вхождения в общий речевой оборот) перед образцами, привычными для не элитарной среды. Например, слово двурушник вошло в литературный язык из нищенского арго, животрепещущий - из речи торговцев рыбой; разрешаемая современным орфоэпическим словарем форма родит. множ. носок (несколько пар носок), наряду с традиционно-нормативной носков, - несомненная уступка просторечному узусу, из которого форма с нулевой флексией (носок), ранее оценивавшаяся как бесспорно неправильная, распространилась и в среду говорящих литературно. Влиянием просторечной и профессионально-технической среды объясняются и многие другие варианты, допускаемые современной русской литературной нормой: до́говор, договорá, договорóв (наряду с традиционными договóр, договóры, договóров), переговоры по разоружению (наряду с переговори о разоружении), проверка семян на всхожесть (наряду с проверка всхожести семян) и т.п.

Существование в рамках единой нормы вариативных единиц обычно сопровождается процессом их смыслового, стилистического и функционального размежевания, что дает возможность гибко использовать допускаемые нормой языковые средства - в зависимости от целей и условий коммуникации (что и позволяет говорить о коммуникативной целесообразности нормы). Например, формы множ. числа существительного хлеб с ударением на основе: хлѐбы - обозначают печное изделие (Вынули из печи румяные хлѐбы), а формы с ударением на окончании: хлѐба - злаки (урожай хлѐбóв); можно сказать и рúпоры радио, и рупорá радио, но только рúпоры идей; в бытовом диалоге можно сообщить о ком-либо, что он сейчас в отпускú, но в официальном документе носитель литературного языка обязан выразиться иначе: находясь в отпуске...; конструкции с кратким прилагательным в роли предикатива - типа Я не голоден, Этот процесс весьма трудоемок сигнализируют о книжности речи (разговорному языку такие конструкции не свойственны), а конструкции с так называемым соположением глагольных форм, напротив, служат яркой приметой разговорного языка: пойду посмотрю; сходи купи молока.

Владение нормой предполагает умение говорящего не только говорить правильно и отличать правильные в языковом отношении выражения от неправильных (например, «браковать» оборот оказывать впечатление и избирать иной способ выражения того же смысла: производить впечатление), но и использовать языковые средства уместно - применительно к ситуации общения. Очевидно, например, что деловое письмо нельзя написать, используя слова загодя, мастак, норовить, насмарку, до зарезу и под., фразеологические единицы ни за понюшку табаку, как пить дать, конструкции типа А он и выйди со своим дурацким предложением и т.п. Столь же очевидно, что в обыденном

разговоре выглядят чудачеством канцелярские обороты за неимением таковых, вследствие отказа, по причине не избрания и под. Намеренное же нарушение уместности нормы обычно делается с определенной целью - шутки, насмешки, языковой игры. В этом случае перед нами не ошибка, а речевой прием, свидетельствующий о свободе, с которой человек обращается с языком, сознательно используя его вопреки нормативным установкам. Одним из распространенных приемов языковой игры, шутки является неуместное, часто стилистически контрастное использование разного рода расхожих штампов - газетных клише, оборотов какого-либо профессионального языка, канцеляризмов и т.п.: Каждый год он вел борьбу за урожай на этой неказистой грядке; По достижении пятидесяти лет я оставил большой секс и перешел на тренерскую работу (М.Жванецкий). Сознательное обыгрывание фразеологизмов, намеренное отклонение от их нормативного употребления - также один из приемов языковой игры: Он съел в этом деле не одну собаку; Они жили на широкую, но босую ногу; (быть) между Сциллой и харизмой; пиар во время чумы.

Глава 2. Культура речи в национальных традициях других стран

Отдельные национальные лингвистические традиции представляют собой первый этап развития науки о языке. На этом этапе еще не существовало единой мировой науки, и изучение языков происходило изолированно в рамках отдельных цивилизаций (что, однако, отнюдь не исключало возможных влияний одних традиций на другие), причем в большинстве случаев такое изучение было непосредственно обусловлено решением тех или иных практических задач и не отделялось от них.

Некоторые представления о природе и сущности языка и о свойствах конкретных языков свойственны всем человеческим культурам, однако далеко не везде национальные лингвистические традиции успели самостоятельно сложиться (или же сведения о них до нас не дошли). Например, мы не можем ничего сказать о сколько-нибудь развитых национальных лингвистических традициях в Древнем Египте (до эпохи эллинизма), в индейских цивилизациях доколумбовой Америки и др. Первые известные нам описания языка появились в вавилонской культуре: от 2 тыс. до н.э. до нас дошли сгруппированные по совпадающим корням или аффиксам списки слов, использовавшиеся в учебных целях. Мы имеем, таким образом, первые парадигмы склонения и спряжения. Однако сколько-нибудь полные грамматики или словари того времени нам не известны.

Первой по времени высокоразвитой национальной лингвистической традицией стала индийская. Датировка ее истории, как и вообще датировка истории Древней Индии, затруднительна и проблематична, однако она безусловно стала складываться не позже первой половины I тысячелетия до н.э. Первым великим лингвистом Индии считается Яска, создатель первой в мире классификации частей речи; жил он примерно в середине I тысячелетия до н.э. Затем появилась великая грамматика Панини (между 6 и 2 вв. до н.э., часто этот интервал сужают до 6-4 вв. до н.э.), представляющая собой и поныне непревзойденное по точности, полноте и компактности описание фонетики, морфологии и грамматики санскрита. Традиции Панини продолжили Катьяяна и Патанджали, жившие в конце I тыс. до н.э. В дальнейшем сочинения этих авторов, особенно Панини, продолжали комментироваться, однако ничего равного им создано не было. Тем не менее индийская национальная лингвистическая традиция непрерывно продолжалась вплоть до наших дней.

Начиная с 5-4 вв. до н.э. в Древней Греции начинает складываться античная (европейская) национальная лингвистическая традиция. В отличие от других традиций она изначально не была связана с практическими потребностями и развивалась в рамках философии. Поэтому в классический период не сложились какие-либо школы, описывавшие язык; мы имеем лишь обсуждения некоторых вопросов, связанных со свойствами языка, в философских трудах. Особенно важны были идеи Платона и Аристотеля об именовании, о связи имени и обозначаемой им вещи. У Аристотеля появляются первые классификация частей речи и определения имени и глагола. В большей степени о формировании собственно лингвистических понятий можно говорить применительно к философам, входившим в школу стоиков (4-3 вв. до н.э.). Окончательное формирование античной национальной лингвистической традиции произошло вместе с возникновением александрийской грамматической школы в 3-2 вв. до н.э. В Александрии были созданы первые греческие грамматики и разработана грамматическая терминология, во многом сохранившаяся до наших дней. Не позже 1 в. до н.э. идеи александрийцев попали в Рим и были приспособлены к латинскому языку; в дальнейшем греческий и римский варианты античной, а затем средневековой традиции развивались обособленно друг от друга. Первым крупным римским грамматистом был Марк Теренций Варрон (116-27 до н.э.), труды которого частично сохранились. Позже образцовыми грамматиками латинского языка считались два дошедших до нас сочинения: позднеримская грамматика Доната (3-4 вв. н.э.) и обширная грамматика Присциана, написанная уже в ранневизантийскую эпоху (первая половина 6 в.). Примерно в то же время, что и в Греции, складывается национальная лингвистическая традиция в Китае. Иероглифический характер китайского письма повлиял на то, что прежде всего изучались иероглифы и составлялись иероглифические словари. Первые словари появились во 2 в. до н.э. Первым классиком китайского языкознания стал Сюй Шэнь (1 в. до н.э.), который предложил классификацию иероглифов и их составных частей, сохранившуюся до сих пор; эта классификация определила порядок иероглифов в словарях. Начиная с 3 в. н.э. проявился также интерес к описанию фонетики: начали составляться словари омофонов (применительно к китайскому языку - слов с одинаковым звучанием и различным значением, записываемых различными иероглифами), исследовались тоны. С 6 в. появляются словари рифм, а с 9 в. - фонетические таблицы. Китайская национальная лингвистическая традиция в целом просуществовала до конца 19 в., когда началась европеизация китайской науки.

Существенно позже сформировалась еще одна крупная и оригинальная национальная лингвистическая традиция, арабская; ее начало отсчитывается от образования в 7 в. н.э. Арабского халифата. Причинами ее формирования стали необходимость поддерживать в неизменном виде язык Корана и обеспечивать обучение арабскому языку многоязычного населения Халифата; с этим связано то, что центрами арабской лингвистической традиции стали не исконно арабские территории, а районы, пограничные с другими культурами: первоначально Басра и Куфа (современный Ирак) на границе с Ираном, позднее также арабские Испания и Северная Африка. Первые арабские грамматики появились в начале 8 в. Классиком арабской лингвистической традиции стал Сибавейхи (Сибавайхи), родом перс (год рождения неизвестен, умер между 782 и 809). В его грамматике были детально описаны фонетика, морфология и синтаксис классического арабского языка. В дальнейшем арабские грамматики писались по ее образцу. Другим крупным языковедом был Абу-ль-Фатх Ибн Джинни (932 или 942-1002), сын грека-раба; он интересен рассуждениями о природе языка и языковой норме. Известны и многие другие средневековые арабские грамматисты. Как и индийская, арабская национальная

лингвистическая традиция существует до сих пор в сфере мусульманского образования во многих странах, однако период ее творческого развития закончился несколько веков назад.

К числу поздних национальных лингвистических традиций можно отнести японскую. До 17 в. в Японии язык изучали по китайским образцам, уделяя основное внимание составлению иероглифических словарей. Однако в 17-19 вв., когда Япония была закрыта для иностранцев, включая китайцев, в ней стала развиваться национальная наука, прежде всего связанная с изучением языка. В трудах классиков японской лингвистической традиции Кэйтю (1640-1710), Нариакира Фудзитани (1738-1779), Норианага Мотоори (1730-1801), Акира Судзуки (1764-1837), Гимона Тодзэ (1786-1843) и др. были высказаны многие оригинальные идеи. Самостоятельно была разработана грамматика, отсутствовавшая в китайской традиции, изучались историческая фонетика и семантика. К моменту «открытия» и последующей вестернизации Японии (с середины 19 в.) становление японской национальной лингвистической традиции еще не завершилось, в частности, не успел сформироваться синтаксис. Может быть, поэтому в Японии в отличие от других стран Востока «молодая» традиция смогла видоизмениться под европейским влиянием, результатом чего стал ее синтез с западным языкознанием. Идеи японской лингвистической традиции продолжали использоваться и в 20 в.

Можно говорить и о других национальных лингвистических традициях, хотя они не всегда хорошо изучены. От индийской традиции отпочковались тибетская и монгольская, приобретшие ряд специфических черт. Многие черты сходства с арабской, но также и ряд отличий имеет средневековая еврейская лингвистическая традиция. В Корею в 1446 появился фонетический трактат Хунмин чоным хэре, основанный на оригинальных идеях, не имевших аналогов ни в Китае, ни в Японии, однако за пределами анализа фонетики и графики корейская национальная лингвистическая традиция не сложилась. В 1072-1077 выдающийся тюркский ученый Махмуд Кашгарский (р. ок. 1030 на территории современного Кыргызстана, дата смерти неизвестна) создал словарь тюркских наречий Диван лугат ат-тюрк. Словарь этот не только оказался удачным применением несколько модифицированных идей и методов арабской национальной традиции к структурно сильно отличным от арабского тюркским языкам, но и фактически первым, на века опередившим свое время начинанием в области диалектологии и сравнительного языкознания. У Махмуда Кашгарского, однако, не было последователей, и особой тюркской национальной лингвистической традиции не сформировалось. Далее речь в статье будет идти о пяти национальных лингвистических традициях: индийской, античной, китайской, арабской и японской.

Заключение

Все перечисленные традиции (кроме античной в начальный период) складывались на основе определенных практических потребностей, главной из которых была необходимость обучения некоторому базовому для данной традиции языку. Это были санскрит в Индии, греческий и латинский в античном мире, классический китайский (вэньянь) в Китае, классический арабский в мусульманском мире, старописьменный японский (бунго) в Японии. Описание языка для целей обучения было актуальным лишь в двух случаях: либо когда язык должны были усваивать носители других языков (греческий в Александрии, латинский в завоеванных Римом провинциях, арабский в

Халифате), либо когда язык культуры начинал с ходом времени значительно отличаться от разговорного (санскрит в Индии времен Панини, вэньянь в Китае двух последних тысячелетий, бунго в Японии к 17 в.); отнюдь не случайно, что античная традиция не сложилась тогда, когда по-гречески говорили только в Греции, а по-латински - лишь в Риме.

Список литературы

1. Винокур Г.О. Культура языка. М., 1929
2. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык.
3. Ушаков Д.Н. К вопросу о правильном произношении. - В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 5. М., 1964
4. Крысин Л.П. К соотношению системы языка и его нормы. - Русский язык в школе, 1968, № 2
5. Языковая норма. Типология нормализационных процессов. М., 1996